

Татьяна Чулицкая

«СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В БЕЛАРУСИ: (ПОСТ-)СОВЕТСКОЕ ПОНЯТИЕ СО МНОЖЕСТВОМ СМЫСЛОВ

Tatsiana Chulitskaya

“Social Justice” in the Official Discourse in Belarus: (Post-)Soviet Concept with a Lot of Meanings. The hypothesis of the article is that in spite of the declared “socialist” grounds, the official discourse of social justice in Belarus eventually underwent substantial changes, drifting away from the declared roots in Soviet practices and being filled with new ideological values instead. These changes are based on the political conditions and, in particular, on the change of modality of relations with Russia as the main sponsor of the Belarusian regime as well as on the symbolic development of so-called pro-European vector of Belarusian foreign policy. The domestic context of the changes is the deteriorating socio-economic situation.

The main research method is qualitative discourse analysis. Public statements of President Lukashenko within two political cycles (2006–2010, 2010–2015) have been used for the reconstruction of the official discourse of social justice in Belarus. Special attention has been paid to the analysis of the statements made during electoral campaigns.

The article consists of three parts. The first discusses the concept of “post-socialist condition” as the context of production of social justice discourse in the region of Central and Eastern Europe (CEE) and in Belarus. The second shows the specifics of the ideological articulation of public policy grounds in a non-democratic regime. The third analyzes the Belarusian President’s statements relating to the concept of social justice in the period of three election campaigns (2006, 2010 and 2015.). The conclusion

presents the findings concerning the characteristics of the production and maintenance of the official discourse of social justice in Belarus.

Keywords: social justice, Belarus, public policy, discourse analysis, official discourse, ideological grounds, post-socialist condition.

Введение

Понятие «социальная справедливость» наряду с другими ассоциирующимися в представлениях белорусского населения «просоветскими» идеями – «равенство», «отсутствие социального расслоения», «социально-ориентированная экономика» – с 1994 г. занимало и продолжает занимать значимое место в высказываниях президента Александра Лукашенко. Именно апелляция к «советскому прошлому», смысловое противопоставление «хаоса независимости» утраченной «советской стабильности» послужили основаниями первоначального электорального успеха бессменного белорусского президента. Однако какое значение Лукашенко в действительности вкладывает в понятие «социальная справедливость»? Что является справедливым в отношении общества и для решения социальных проблем его граждан? Можем ли мы говорить об особенностях белорусской публичной политики, исходя из декларируемой ориентации на данное понятие? Эти вопросы являются центральными для рассмотрения в данной статье.

В качестве гипотезы делается предположение о том, что вопреки декларируемым «социалистическим» основаниям официальный дискурс социальной справедливости в Беларуси со временем претерпевал содержательные изменения, удаляясь от декларируемой укорененности в советские практики и наполняясь новыми идеологическими значениями. Причинами таких изменений выступали внешнеполитические условия и, в частности, смена модальности отношений с главным спонсором белорусского режима – Россией, а также связанное с этим символическое развитие европейского вектора белорусской внешней политики (периоды так называемой «либерализации» – улучшения отношений с Западом: 2008–2010 гг. и с 2014 г. по настоящее время). Внутренним контекстом происходящих в стране изменений стало ухудшение социально-экономического положения (падение темпов экономического роста, инфляция и пр.), пики которого пришлись на 2011–2012 гг. и настоящее время.

Для реконструкции официального дискурса социальной справедливости в Беларуси использована совокупность публичных высказываний президента Лукашенко в рамках двух политических циклов, основанием для выделения которых является проведение выборов, т.е. период с 2006 по 2010 г. и период с 2010 по 2015 г. Ограничение официального дискурса высказываниями исключительно белорусского президента делается на основании того, что именно этот актер занимает доминирующее положение на политическом поле Беларуси, ар-

тикулируя определяющие для публичной политики идейные понятия. Особое внимание в рамках анализа уделено высказываниям, сделанным непосредственно в периоды избирательных кампаний, поскольку именно тогда идейные основания публичной политики артикулируются наиболее ярко.

Основным методом исследования является качественный дискурс-анализ, при помощи которого анализируются высказывания белорусского президента относительно понятия «социальная справедливость». В совокупность материалов для анализа входят: предвыборные программы Лукашенко 2006, 2010 и 2016 гг.; обращения к народу и Национальному собранию и выступления в рамках Всебелорусского народного собрания в течение 2006–2015 гг. Кроме того, в случае необходимости делались отсылки к медийным публикациям в различных печатных, интернет-изданиях Беларуси, а также к телевизионным выступлениям. Используемый в исследовании качественный дискурс-анализ позволяет рассмотреть производство дискурса социальной справедливости в более широком социально-политическом и экономическом контексте, выявить и проследить изменения его содержания.

Статья состоит из трех частей. В первой рассматривается понятие «постсоциалистическое состояние» как контекст производства дискурса социальной справедливости в регионе Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и в Беларуси. Во второй представлена специфика артикуляции идеологических оснований публичной политики в условиях недемократического режима. В третьей анализируются высказывания белорусского президента, относящиеся к понятию социальной справедливости в период трех избирательных кампаний (2006, 2010 и 2015 гг.). В заключении представлены выводы относительно особенностей производства и содержания официального дискурса социальной справедливости в Беларуси.

Постсоциалистическое состояние как контекст производства политических высказываний

Для описания контекста производства понятия социальной справедливости в бывших советских странах и регионе ЦВЕ подходящим представляется введенное Н. Фрейзер понятие «*постсоциалистическое состояние*» (Fraser, 1997). Исследовательница использовала его для характеристики социального положения в странах бывшего советского блока после распада СССР.

Постсоциалистическое состояние, по ее мнению, характеризовалось процессами *делегитимизации социального эгалитаризма и актуализации либеральной риторики*. При этом набравшая популярность на постсоветском пространстве либеральная парадигма описывалась как «чудесным образом воскресший фундаментализм свободного рынка» (Fraser, 2009). В свою очередь, В. Фурс считал такую ситуацию определенной натурализацией «либеральных принципов как

одержавших окончательную победу», что, по его мнению, блокировало возникновение любых радикальных содержательных альтернатив (Фурс, 2005: 144). Необходимо также отметить, что, по мнению исследователей постсоциалистического состояния, окончание характерного для периода холодной войны идеологического противостояния и последовавшее провозглашение триумфа капитализма оказали негативное влияние на социал-демократические идеи не только в бывших советских странах, но и во всей Западной Европе (Fraser, 2009).

В соответствии с подходом Фрейзер, постсоциалистическое состояние приводит к ряду негативных для общества последствий. Одним из них является отсутствие в испытывающем серьезные социально-экономические проблемы обществе альтернативного неолиберализму и поддерживаемого большинством граждан проекта эмансипации (Fraser, 1997: 3). Вместе с тем в постсоциалистических обществах возникают новые социально-экономические и культурные несправедливости, в основании которых находится систематическое нарушение прав отдельных социальных групп (Fraser, 1997: 72).

Отсутствие идейной альтернативы неолиберализму, в свою очередь, вело и к отсутствию разделяемых в постсоциалистических обществах представлений о *справедливом* социальном порядке. По мнению Фрейзер, на противоположном капиталистическому проекту политическом полюсе постсоветских государств на месте социализма оказалось пустое понятие, заполнение которого происходило новыми национальными элитами скорее интуитивно, чем направленно (цит. по: Фурс, 2005: 158–160).

Еще одним следствием постсоциалистического состояния стало «отделение культурной политики признания от социальной политики перераспределения» (Fraser, 1997: 3). Параллельно возросло количество протестных групп, главной целью которых являлось собственное признание, как правило, национальной или другой групповой идентичности. Более того, Фрейзер показывала переход части существовавших ранее протестных движений за эмансипацию (в частности, феминистских, антирасистских) *из сферы перераспределения в сферу признания*. Борьба за право признания групповых идентичностей вела к противопоставлению различных групп и, как следствие, к невозможности их консолидации для коллективной артикуляции социально-экономических проблем. Соответственно, в центр изменившихся представлений о справедливости перемещаются вопросы признания и разделения культурной и социально-экономической политики с приоритетом первой (цит. по: Фурс, 2005: 158–160). Таким образом, в постсоциалистическом состоянии социальная справедливость приобретает характер *борьбы за признание*, а вопросы распределения становятся вторичными (если присутствуют вообще) (Чулицкая, 2013).

Возрождение в постсоциалистическом состоянии либерализма (Фурс, 2005: 159) закономерно привело к обострению материального неравенства. Однако сама формулировка запросов на социально-экономическое равенство вслед-

ствии агрессивной маркетизации было практически вытеснено из публичной повестки дня (Fraser, 1997: 3). Вследствие этого интересы отдельных малообеспеченных социальных групп оказались не только непредставленными, но и, в принципе, не имеющими таких перспектив.

В развитие своих идей Фрейзер добавляет к проблематике постсоциалистического состояния вопрос о *фреймах справедливости*. Она говорит о возникновении неуверенности относительно границ применения понятия «социальная справедливость», а также представлений о том, интересы каких социальных групп могут рассматриваться в качестве общих и какие субъекты могут их артикулировать. Последнее обстоятельство связывалось с изменением субъектности в политике, когда национальное государство утрачивает свои функции по представлению «интересов всех», а нового внушающего доверие субъекта не возникает (Fraser, 2009). Об этой ситуации говорят в своих исследованиях постсоветского режима благосостояния также Гал (Gal) и Клигмен (Kligman) (Гал, Клигмен, 2003). Они указывали на произошедший в постсоветских государствах уход государства из сферы социальной защиты. Эти авторы отмечали новую стратификацию оснований социальной защиты, связанную с сокращением социальных групп, которые могут претендовать на поддержку, и рост материального неравенства внутри самих этих групп.

Таким образом, определение понятия «постсоциалистическое состояние» у Фрейзер и других исследователей связано с проблемой отсутствия разделяемой и признаваемой альтернативы (нео-)либеральным представлениям, которые вытеснили из публичной повестки дня проблематику социального равенства и распределения, подменив их вопросами признания, на фоне роста в постсоциалистических обществах социально-экономических проблем. Указывалось на возрождение экономического либерализма (неолиберализма) с параллельной эрозией системы социальной защиты, маркетизацией социальных отношений, ростом социального и других видов неравенства (например, экологического) и общим сужением круга возможностей для человека (цит. по: Фурс, 2005: 158–160).

В итоге результатом постсоциалистического состояния для стран ЦВЕ в 1990-е гг. XX в. становится специфическая ситуация доминирования в политическом поле неолиберальных социально-экономических представлений, подкрепляемых консервативным политическим дискурсом признания групповых (преимущественно национальных) идентичностей с параллельным нивелированием вопросов социального равенства и распределения (Чулицкая, 2013). Вместе с тем в настоящее время можно говорить о символической реабилитации этих понятий и их возвращении в политическую повестку дня входящих в состав ЕС стран ЦВЕ.

Однако случай Беларуси позволяет говорить о некоем альтернативном варианте политического оформления постсоциалистического состояния. В представляемой страной символической альтернативе новая постсоциалистическая

элита стремилась заполнить пустующую альтернативу капитализму/неолиберализму (про-)советскими (различной степени модифицированности) ценностями. Подобную дискурсивную ситуацию можно было наблюдать с приходом Лукашенко к власти в 1994 г., когда в противоположность приоритетному для националистически настроенных сил (БНФ и его лидеру З. Позняку) дискурсу признания и утратившей актуальность повестке дня В. Кебича независимый кандидат актуализировал идейное противопоставление «разрушительных неолиберальных реформ» и предлагаемых модифицированных (про-)советских идей социального равенства с возвращением к экономической «стабильности». Эта риторика активно использовалась и используется Лукашенко до настоящего времени.

Таким образом, для выбравших путь политической демократизации и экономической либерализации постсоветских стран ЦВЕ в 1990-е гг. постсоветское состояние получило соответствующее «оформление» в виде вытеснения вопросов равенства и групповых социально-экономических прав за пределы политической повестки дня и частой подмены их проблематикой признания с отсутствием других значимых идеологических альтернатив. В случае Беларуси была предпринята дискурсивная попытка сохранить идейную альтернативу капитализму посредством противопоставления ему обновленной популистской (про-)советской риторики, которая вместе с тем не соответствовала реально происходившим внутри страны и за ее пределами социально-экономическим процессам.

Артикуляция интересов в недемократическом режиме

Признавая специфику процессов политической коммуникации в странах ЦВЕ (Oates, 2012), тем не менее можно говорить о том, что существующие в них делиберативные и процедурные модели демократии предполагают возможность артикуляции интересов (в том числе конфликтных) различными политическими субъектами. В то же время в случае режима недемократического (в Беларуси) процесс артикуляции интересов для тех, кто находится за пределами властных позиций, ограничивается как на уровне возможности самого присутствия в политическом поле (практики прямого и скрытого цензурирования), так и на уровне доступа к средствам и каналам артикуляции интересов (Чулицкая, 2013).

Для описания дискурсивной позиции официальной власти в Беларуси можно использовать подход с позиций социологии доминирования П. Бурдьё. Согласно ему доминирующие субъекты могут навязывать свое видение разделения социального мира, формировать категории восприятия и определенные понятия (системы классификаций), которые дают возможность легитимного идеологического воздействия и, соответственно, поддержания определенного

социального порядка. Вместе с тем доминирующий субъект (субъекты) вынужден защищать социальные условия производства понятий политического поля (условия входа). Это важно для сохранения ими своих позиций, так как иначе возникает угроза появления альтернативных социальных программ, которые могут привести к смене диспозиции на поле. При этом одним из наиболее эффективных способов легитимного идеологического доминирования в политическом поле является достижение ситуации признания субъектами создаваемых структур и производимого ими социального разделения как само собой разумеющихся (Bourdieu, 1989).

В результате непризнания других политических субъектов как имеющих право на высказывание в недемократическом политическом режиме проявляется коммуникативный дисбаланс. Субъекты доминирования/власти за счет устранения конкуренции получают монополию на высказывание, формируя, таким образом, практически безальтернативные идеологические основания публичной политики. Процесс артикуляции при этом трансформируется в пропагандистские практики властных субъектов, призванные обеспечить дополнительные основания их легитимности (Чулицкая, 2013).

Такая логика рассуждений позволяет понять стремление белорусского президента не просто сохранить за собой неконкурентный контроль над условиями входа на политическое поле, но и обеспечить массовое разделение производимых им идеологических оснований публичной политики, в частности закрепления понятий «порядок», «стабильность» и «социальная справедливость» как не имеющих содержательных альтернатив.

Социальная справедливость как основа официального дискурса в Беларуси

Популистская апелляция к модифицированным (про-)советским ценностям и ориентация на социальную политику долгое время являлись смыслообразующими для дискурса Лукашенко. Показательными в данном отношении представляются названия ежегодных президентских посланий к белорусскому народу и Национальному собранию 2006–2015 гг., где используются такие понятия, как «благополучие», «процветание», «прогресс» и пр.: «Государство – для народа, человек – во благо своего Отечества» (2006); «Независимая Беларусь – наш достойный и надежный дом» (2007); «Здоровье государства – это благополучие человека, согласие в обществе, целеустремленность нации» (2008); «Благополучие родной земли – дело всех и каждого» (2009); «Динамичный прорыв в развитии страны – путь к новому качеству жизни» (2010); «Предприимчивость, инициатива и ответственность каждого – достойное будущее страны» (2011); «Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс» (2012); «Обновление страны – путь к успеху и процветанию» (2013); «Сильная экономика и честная

власть – фундамент независимости страны и процветания нации» (2014); «От уверенного старта – к успеху нового пятилетия» (2015). Вместе с тем периодически в названиях появляется концепция (политической) независимости, а также понятия, которые условно можно отнести к модернизационной, пролиберальной тональности («предприимчивость», «обновление») и продвижению идеи индивидуальной ответственности.

В эту же смысловую линию встраивались и лозунги Лукашенко во время президентских избирательных кампаний 2006, 2010 и 2015 гг. Так, во время первой из рассматриваемых кампаний лозунг формулировался так: «За сильную и процветающую Беларусь!»¹, а предвыборная программа носила название «Государство для народа». Предвыборная программа 2010 г. называлась «От сохранения – к приумножению!»² и выстраивалась вокруг идеи закрепления достижений социально-экономического развития, придания им устойчивого характера. Однако программа 2015 г. выпадала из общей привычной риторики и содержала отсылку к политическим ценностям: «За будущее независимой Беларуси!»³. Интересно, что параллельно с артикуляцией политического проекта в содержательном отношении в программе произошло неолиберальное перераспределение акцентов с социальной (как это было в предыдущих программах) преимущественно на экономическую политику.

Идейные основания рассматриваемых здесь избирательных кампаний задавались референциями к советскому прошлому и эволюционному пути развития белорусского государства с собственной моделью социально-экономического развития. В символическом плане этому противопоставлялась социально-экономическая ситуация, существовавшая в Беларуси до прихода Лукашенко к власти, когда *«страна просто разваливалась изнутри»*, а также негативно представляемое положение в других постсоветских странах (причем как у западных, в частности прибалтийских стран, так и восточных – России, Украине – соседей). Последнее характеризовалось как *«обвальная приватизация»*, *«шоковая терапия»*, *«бандитский капитализм»*, *«дележ собственности»* и пр. Так, в одном из своих выступлений белорусский президент подчеркивал своеобразный консервативно-эволюционный путь развития государства: *«Мы не разбазаривали народное богатство, не влезали в долги; идя от жизни, выработали свою собственную модель развития, которая основана на взвешенных, продуманных эволюционных преобразованиях без обвальной приватизации и шоковой терапии, с сохранением всего лучшего, что было раньше в нашей экономике и традициях»*⁴. В данном аспекте интересными видятся дополнения и модификации белорусской модели развития, озвученные в предвыборной программе 2015 г., когда к утверждениям стабильности добавляются политические понятия свободы и независимости. *«Ведь по сути сегодня перед страной всего два пути. Один путь вперед – к сохранению стабильности и порядка, свободы и независимости...»*

Другой путь назад – к смуте и хаосу “девяностых”, бандитскому капитализму и дележу собственности, к ослаблению государства и потере независимости» (Предвыборная программа Лукашенко, 2015).

Анализ высказываний президента Лукашенко позволяет говорить о длительном присутствии в них в качестве одного из определяющих их общее содержание понятия «социальная справедливость». Данное понятие активно использовалось им как во время прихода к власти, так и в последующие годы вплоть до 2015 г. В совокупности его высказываний можно выделить несколько содержательных интерпретаций.

Первая связана с **идеологическим основанием белорусского политического режима и социально-экономической модели развития**. Социальная справедливость здесь преподносилась *per se*, как консервативная ценность, не требующая дополнительных интерпретаций: *«Есть ценности, которыми мы гордимся. Прежде всего, это вера наших предков, отечества, нравственность, славянское единство, социальная справедливость. Они составляют надежный фундамент нашей идеологии»* (выступление Лукашенко 2006 г.)⁵. В оценке социально-экономического развития она связывалась с понятиями стабильности и высокого качества жизни. *«Сегодня Беларусь находится не в упадке, не в застое, как нам часто предрекали. Она динамично и уверенно движется вперед – к более высокому качеству жизни людей и материальному достатку, социальной справедливости и политической стабильности общества»* (из телевыступления Лукашенко 17.03.2006 г.)⁶.

Вторым подходом к понятию «социальная справедливость» является его использование в качестве **морально-консервативного обоснования** того или иного политического действия. Так, разрозненные неолиберальные изменения⁷ в целом в неререформированной социальной политике Беларуси объяснялись именно исходя из понятия социальной справедливости. Например, об изменении системы льгот в 2007 г. говорилось как об *упорядочивании, восстановлении* в обществе социальной справедливости. *«Главная цель – это не экономия государственных средств... Главная цель заключалась в справедливости получения той или иной государственной поддержки»* (Послание, 2008).

В консервативном ключе звучала и **критика практик иждивенчества**, которые приписывались белорусским гражданам. Например: *«...люди готовы жить в Беларуси, как в собесе... Беларусь – будто институт социального обеспечения: хочу – иду на работу, хочу – не иду, хочу – работаю, если приду, хочу – не работаю. Так не будет!»* (Послание, 2009). Своего рода кульминацией данной смысловой линии стал 2015 г., когда она нашла свое институциональное воплощение в принятии Декрета президента № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» (от 2 апреля 2015 г.). Характерно, что как само принятие, так и вся дальнейшая реализация этого декрета сопровождалась риторикой «социальной справедливости».

В следующей интерпретации социальная справедливость выступает **как равенство**, когда «государство должно одинаково заботиться о всех... Всем – равные условия» (Послание, 2008). Социальная справедливость, соответственно, представляется *как отсутствие* в белорусском обществе *социального расслоения*. Такая формулировка использовалась в предвыборной риторике Лукашенко и в 2006-м, и в 2010 г. для демонстрации социальных достижений Беларуси, свидетельством чему являлось отсутствие социального расслоения и уровня разницы в доходах, сопоставимого с развитыми европейскими странами, что оценивалось как «социальная справедливость не на словах, а на деле» (Предвыборная программа, 2010). В кампании 2015 г. акцент на социальном равенстве в Беларуси по-прежнему присутствует, однако в какой-то степени заменяется демонстрацией стабильности политической, для чего используется фон украинских событий.

Кроме того, отсылки к понятиям «справедливость» и «социальная справедливость» Лукашенко часто делал **при оценке процессов приватизации** в России и Украине. Утверждая, что и сами они, и их последствия были *несправедливыми*. «Ну, ладно бы, он [бизнесмен в Украине] создал это предприятие, но это *предприятие было приватизировано за гроши* в свое время. Вот она – справедливость» (Заключительное слово, третье Всебелорусское собрание).

Вместе с тем со временем можно проследить, как апелляция к «социальной справедливости» в риторике Лукашенко постепенно наполнялась новыми значениями. Так, начиная с 2006 г. можно фиксировать появление в риторике белорусского президента утверждений об **усилении индивидуальной ответственности** перед государством за решение социальных проблем и обязанности возвращать государству долги за предоставленные социальные услуги. Например, ответственность лишенных родительских прав родителей компенсировать государству расходы за содержание государством детей: «*Их [родителей, оставивших своих детей без опеки] ответственность должна быть не только полной, но и подконтрольной закону и общественной морали, а также они должны полностью компенсировать затраты государства*». Ответственность студентов – отрабатывать в рамках обязательного распределения стоимость обучения за счет бюджетных средств: «*Не хотите, чтобы распределяли, платите деньги, учитесь за собственный счет... государство на своих предприятиях, в своих организациях, вузах готовит с высшим образованием специалистов, платит за это миллиарды... рублей, и хозяин этих специалистов – государство*». Иллюстративным в данном отношении является и название раздела в обращении Лукашенко к народу и парламенту в 2009 г.: «Социальная политика государства и ответственность граждан». Граждане в данном контексте рассматривались как обязанные государству за предоставление социальных услуг. «*Прежде чем задавать вопрос “что государство мне дало?”, каждый должен спросить себя, что он полезного сделал для своего Отечества*» (Доклад на четвертом

Всебелорусском собрании 2010). Параллельно Лукашенко неоднократно подчеркивал, что государство обеспечивало белорусских граждан дополнительной социальной поддержкой в оплате ЖКХ, образования, общественного транспорта, медицинского обслуживания и пр. «Нельзя не учитывать, что *государство добровольно взяло на себя значительную часть расходов, связанных с социальным обеспечением граждан*» (Доклад на четвертом Всебелорусском собрании).

Характерно, что при этом *ответственность перед государством* интерпретировалась как *моральное благо*. Так, оценивая практики обязательного распределения, Лукашенко подчеркивал: «*И скажите, а что в этом плохого? ...Столько рабочих мест [в Минске] нет! Что, они на стометровке, извините меня, будут стоять, девчата, а мужики будут спиваться, ходить с бутылками на оппозиционные митинги или ботинки им [оппозиционерам] чистить?*» (Из выступления на третьем Всебелорусском собрании). Аналогичная риторическая отсылка к ответственности использовалась президентом и в других сферах. Например, в высказываниях о росте цен в Беларуси: «*...Я хочу, чтобы трудовые коллективы, которые жалуются на рост цен, тоже чувствовали, что как раз благодаря некоторым из них и растут эти цены*» (заключительное слово на третьем Всебелорусском собрании).

В высказываниях Лукашенко все более проявлялась и еще одна интерпретационная линия, когда о политически большом государстве говорилось в *экономически либеральном ключе*. Государство представало как институт, создающий условия для проявления инициативы и равных возможностей в заработках для трудоспособного населения. Хотя при этом риторически сохранялась социальная ответственность (выплата социальных пособий, пенсий и сохранение их размера) перед социально уязвимыми категориями граждан. Последние представлялись как *слабые звенья* общества, которые не могут обеспечить себя сами. Однако со временем стало указываться, что социальные выплаты не являются гарантированными, а могут делаться исходя из экономических возможностей государства (Обращение, 2010).

Вместе с тем, несмотря на частичный отказ от социальных обязательств государства, оно сохраняло значимые социальные функции по регулированию всех сфер общественной жизни. Так, за государством сохранялось право вмешательства в другие сферы, в частности в рыночные отношения, установления требований социальной ориентированности и участия бизнеса в решении социальных вопросов (для этого использовались такие понятия, как «социальная ответственность бизнеса», «государственно-частное партнерство»). Такое *патерналистское государство* представлялось как «большая семья», где «позаботятся о каждом», но говорилось о взаимозаботности граждан за общий уровень благосостояния. «*В своем государстве мы – одна большая семья, в которой от труда каждого гражданина, его знаний, ответственности зависят*

сила и процветание всех» (Послание, 2009). Кроме того, такое государство отождествлялось лично с Лукашенко и его деятельностью.

Подводя итог, можно сказать, что социальная проблематика и, в частности, понятие «социальная справедливость» в течение рассматриваемого периода находились в центре высказываний Лукашенко. Риторика главы белорусского государства имела популистский характер символического утверждения единства с народом и с набором имитационных инструментов решения существующих социально-экономических проблем (в частности, обещания повышений зарплат). При этом важно следующее. Во-первых, в само понятие социальной справедливости вкладывались различные, иногда противоположные по значению идеи. Во-вторых, параллельно с ним активно использовались понятия, обосновывающие сокращение социальных функций государства, увеличение социальной ответственности граждан и перераспределение социальных обязанностей к другим субъектам (бизнесу, семье, третьему сектору).

Выводы

Анализ политического поля Беларуси и дискурс-анализ высказываний доминирующего на нем политического субъекта позволяют увидеть сохранение про- (или пост-)советских понятий в качестве определяющих для современной белорусской публичной политики. Вместе с тем пример толкования понятия «социальная справедливость» демонстрирует, что его содержательное наполнение может иметь самые разные интерпретации – и наряду с отсылающими к советскому прошлому понятиями социального равенства приобретать иные консервативные или либеральные значения.

В отсутствие системного реформирования публичной политики своеобразное постсоциалистическое состояние в Беларуси, в котором демонстрируется идейное противопоставление социальных обязательств государства свободному рынку, на практике концентрируется вокруг политически большого государства, которое стремится к масштабному контролю различных сфер общественной жизни, выполняя свои социальные функции скорее по возможности. Таким образом, в белорусском официальном дискурсе неолиберализм, по сути, противостоит своим же идеям (например, индивидуальной ответственности, равенству возможностей), а также концентрируется на политическом проекте собственного признания/легитимации. То есть борьба за политическое признание и доминирование является для белорусского президента принципиально более значимой, чем декларируемая укорененность его политики в ценностях и практиках советского прошлого. В действительности заимствованные с советского времени ключевые понятия видоизменяются, при этом характерное для левого идеологического подхода понятие социально-экономического равенства все более утрачивает свои содержательные позиции. В этой связи ин-

тересным направлением для дальнейших исследований представляется анализ общественного мнения относительно предлагаемых белорусским президентом идейных оснований публичной политики, и понятия социальной справедливости в частности.

Примечания

- ¹ Цитируется по тексту предвыборной программы, опубликованному в газете «Звезда» № 47-48 от 2.03.2006.
- ² Полный текст программы опубликован в газете «Советская Белоруссия» 27.11.2010, электронная версия на сайте издания. Режим доступа: <http://www.sb.by/post/108854/> Дата доступа: 17.02.2017.
- ³ Цитируется по тексту предвыборной программы, опубликованному в интернет-источнике БЕЛТА 16.09.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belta.by/politics/view/vybory-2015.-programma-kandidata-v-prezidenty-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-162915-2015/> Дата доступа: 17.02.2017.
- ⁴ Полный текст выступления А. Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании был опубликован в ряде печатных информационных изданий Беларуси, в частности в газетах «Беларусь сегодня» и «Звезда» (3.03.2006, №49).
- ⁵ Из выступления Лукашенко в Свято-Духовом Соборе г. Минска во время Пасхального богослужения, 21.05.2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evrazia.org/news/30> Дата доступа: 20.02.2017.
- ⁶ Стенограмма телевыступления Лукашенко 17.03.2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/teleobraschenie-aleksandra-lukashenko-5857/ Дата доступа: 20.02.2017.
- ⁷ Среди таких изменений можно назвать: изменение системы универсальных социальных льгот (2007), повышение пенсионного возраста (2015).

Источники

- Bourdieu, P.* Social Space and Symbolic Power // *Sociological Theory*. Vol. 7. No. 1 (Spring). 1989. P. 14–25.
- Fraser, N.* Justice Interruptus: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition. New York; London: Routledge, 1997.
- Fraser, N.* Global Justice and the Renewal of Critical Theory // *Eurozine*. 21.04.2009. <http://www.eurozine.com/articles/2009-04-21-fraser-en.html>
- Fraser, N.* Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World. New York: Columbia University Press, 2010.
- Oates, S.* Post-Soviet Political Communication / ed. by Semetko H.A., Scammell M. // *The SAGE handbook of political communication*. London: SAGE, 2012. P. 461–472.
- Гал, С., Клизмен, Г.* Формы государства, формы семьи // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 1. 2003. № 3–4. P. 341–370.
- Фурс, В.* Социальная философия в непопулярном изложении. Минск: Прописи, 2005.
- Чулицкая, Т.* Нарративы социальной справедливости в условиях недемократического режима: анализ случая Беларуси. Vilnius Universitetas, 2013.